

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-91-103

Киренаики и период раннего эллинизма

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

Установлено, что в философии киренаиков в период раннего эллинизма существовало две тенденции: отчуждение индивида от общества и сохранение связи между полисом и индивидом. Первая тенденция наиболее заметно проявилась в философии Гегесия и Феодора. Вторая тенденция – у Анникерида. Показано, что преобладающей тенденцией было отчуждение индивида от общества, и это было связано с кризисом полисных ценностей. В то же время в тенденции к сохранению связи между полисом и индивидом отразилось влияние полисных ценностей, которые сохранились в период раннего эллинизма в ослабленном виде.

Ключевые слова

киренаики, ранний эллинизм, Гегесий, Феодор Безбожник, Анникерид, полисные ценности.

Для цитирования

Бровкин В. В. Киренаики и период раннего эллинизма // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 3. С. 91–103. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-91-103

Cyrenaics and the Period of Early Hellenism

V. V. Brovkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

It is established that in the philosophy of cyrenaics in the period of early Hellenism there were two tendencies: the alienation of the individual from society and the preservation of the connection between the Polis and the individual. The first tendency was most pronounced in the philosophy of Hegesias and Theodorus. The second tendency was manifested in the philosophy of Anniceris. It is shown that the prevailing tendency was the alienation of the individual from society and this was associated with the crisis of the values of the polis. At the same time, the tendency to preserve the connection between

© В. В. Бровкин, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 3

the Polis and the individual reflected the influence of the values of the Polis, which were preserved in a weakened form in the period of early Hellenism.

Keywords

cyrenaics, early Hellenism, Hegesias, Anniceris, Theodorus the Atheist, the values of the polis.

For citation

Brovkin V. V. Cyrenaics and the Period of Early Hellenism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 91–103. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-3-91-103

В данной статье рассмотрим вопрос о социально-исторических условиях развития философии киренаиков в период раннего эллинизма. Несмотря на то что киренская школа зародилась на рубеже V–IV вв. до н. э., период ее расцвета пришелся на начало эпохи эллинизма в конце IV – начале III в. до н. э. Согласно Диогену Лаэртскому, Гегесий, Анникерид и Феодор Безбожник, взяв за основу гедонизм Аристиппа Киренского, стали основателями собственных учений. Оставаясь представителями одного философского направления, они, тем не менее, значительно разошлись во взглядах. Древние авторы сообщают об этих философах крайне мало информации. Мы располагаем очень скучными сведениями о их жизни и учениях. В этих условиях, как мы полагаем, прояснение позиций Гегесия, Анникерида и Феодора затруднительно без рассмотрения их в контексте социально-исторического развития Греции в период раннего эллинизма. Если конкретизировать рассматриваемый нами вопрос, то он будет звучать следующим образом: какие основные тенденции просматриваются в философии киренаиков в период раннего эллинизма и какое влияние на их формирование оказало социально-историческое развитие Греции в данный период?

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с философией Гегесия, Анникерида и Феодора это стремление к удовольствию и индивидуальному счастью. Складывается впечатление, что их совершенно не интересуют дела государства. Интересам сограждан киренаики предпочитают свои собственные. Кажется, что участие в государственных делах и забота о родном государстве их совершенно не волнуют. Стремление к удовольствию (*ἡδονή*) лежит в основе философских учений Гегесия и Анникерида, а у Феодора в качестве конечной цели (*τέλος*) выступает радость (*χαρά*). Однако это далеко не единственное различие между этими учениями. Если в философии родоначальника гедонизма Аристиппа Киренского прослеживаются оптимистические нотки, то у Гегесия от этого не остается и следа. Признавая, как и Аристипп, в качестве основных состояний удовольствие (*ἡδονή*) и страдание (*πόνος*), Гегесий, тем не менее, значительно отклонился от учения своего предшественника. Мудрец Аристиппа умело использует любую возможность для получения удовольствия, он наслаждается жизнью. Единственное преимущество мудреца Гегесия заключается «не столько

в выборе благ, сколько в избегании зол» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 121]. Представление о том, что жизнь человека преисполнена многочисленными телесными и душевными страданиями привело Гегесия к неутешительному выводу о недостижимости счастья (см.: [Там же. С. 121]). Более того, на основании этого, Гегесий делал вывод о бессмысленности жизни. Рассуждения Гегесия о смерти как спасительном избавлении от тягот жизни были настолько убедительными, что, как сообщает Цицерон, «царь Птолемей, говорят, запретил ему выступать на эту тему, потому что многие, послушавши его, кончали жизнь самоубийством» [Цицерон, 1975. С. 235].

Гегесию принадлежит совершенно разрушительная для полисных устоев мысль о том, что само по себе удовольствие никак не связано с происхождением, социальным статусом и имущественным положением человека. Вот что передает Диоген Лаэртский: «Бедность и богатство к наслаждению не имеют никакого отношения – ибо нет разницы между наслаждением богача и бедняка. Если мерить наслаждением, то рабство так же безразлично, как свобода, знатность – как безродность, честь – как бесчестье» [1986. С. 121]. К этому можно добавить обесценивание Гегесием дружбы (*φιλία*), благодарности (*χάρις*) и благодеяния (*ευ-εργεσία*) на основании того, что ко всему этому «мы стремимся не ради них самих, а ради их выгод, ибо без выгод их не бывает» [Там же. С. 121]. Отрижение ценности знатного происхождения, гражданских прав и обязанностей, свободы, богатства, дружбы, очевидно, шло вразрез со всеми полисными традициями и установлениями. Это подрывало базовые принципы общественного и политического устройства полиса, а также наносило серьезный вред общественной морали.

В философии Феодора можно увидеть еще более критическое отношение к традиционным полисным ценностям. В отличие от Гегесия, связывавшего дружбу с выгодой, и Анникерида, придававшего дружбе немалую самостоятельную ценность, Феодор не признавал дружбу в принципе. Согласно Феодору, «дружбы не существует ни между неразумными, ни между мудрыми – у первых, как минует нужда, так исчезает и дружба, а мудрец довлеет себе и не нуждается в друзьях» [Там же. С. 122]. Не менее радикальная позиция у Феодора была и в отношении к полисному патриотизму. Защита родного полиса традиционно являлась одной из главных ценностей в Греции. Не существовало у греков более славной и почетной смерти, чем погибнуть в бою, защищая интересы родного города. В случае с Феодором мы имеем дело с последовательным космополитом, согласно которому «отчество мудрецу – весь мир» [Там же. С. 122]. Как известно, космополитические взгляды и настроения в период раннего эллинизма получили широкое распространение в греческой философии. К уже существовавшему

космополитизму киников добавился космополитизм ранних стоиков. Но в философии последних космополитизм уживался с идеей служения на благо родного государства. В этом вопросе Феодор был явно ближе киникам. Позицию Феодора хорошо раскрывает следующий фрагмент: «Весьма разумно и то, что человек взысшающий не выйдет жертвовать собою за отечество, ибо он не откажется от разумения ради пользы неразумных» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 122]. Хорошо видно, что, по мнению Феодора, разумный человек нисколько не должен считаться с интересами сограждан и родного полиса. На наш взгляд, это является одним из главных свидетельств разрыва связи между индивидом и полисом в философии Феодора.

Но на этом философ не остановился и пошел дальше. Радикальная переоценка ценностей, предпринятая Феодором, привела его к отрицанию недопустимости ряда действий, строго осуждаемых и запрещенных в Древней Греции. Точка зрения Феодора, как сообщает Диоген Лаэртский, выглядела следующим образом: «Кража, блуд, святотатство – все это при случае допустимо, ибо по природе в этом ничего мерзкого нет, нужно только не считаться с обычным мнением об этих поступках, которое установлено только ради обуздания неразумных» [Там же. С. 122]. Насколько мы знаем, подобного мнения в греческой философии больше никто не высказывал. Но и этим Феодор не ограничился. Судя по всему, главным объектом его нападок была религия. Именно острые критики Феодора в отношении религиозных представлений принесла ему наибольшую известность и репутацию одного из самых скандальных философов Античности. Мы не знаем точно, отрицал ли Феодор существование самих богов или только критиковал существовавшие представления о богах. Имеются аргументы в пользу обеих версий, ни одна из которых, впрочем, не выглядит более убедительной (см.: [Бровкин, 2019. С. 25–27]). Для нашего исследования важно другое. Даже если предположить, что Феодор ограничился критикой религиозных представлений, нельзя не признать, что она носила крайне радикальный характер. Так, сообщается, что Феодор отрицал божественное пророчество (см.: [Лактанций, 2007. С. 90]), отпускал насмешки в адрес богов (см.: [Диоген Лаэртский, 1986. С. 128]), допускал святотатство. Если добавить к этому прозвище «Безбожник» (*α]qeov*), которое закрепилось за Феодором, упоминание об обвинении его в безбожии в Афинах и о его большом влиянии на таких известных «атеистов» как Эпикур и Бион Борисфенский, то можно не сомневаться в том, что он активно подрывал религиозные основы древнегреческого общества. С учетом того, что олимпийская религия оставалась важной составляющей полисной системы в период раннего эллинизма, нельзя не отметить, что антирелигиозные взгляды Феодора расшатывали весь фундамент общественно-политического устройства Греции.

Говоря о взглядах Феодора, мы не можем не упомянуть о точке зрения К. Лампе. Согласно этому исследователю, радикальные высказывания Феодора носили не доктринальный характер, а методологический. К. Лампе пишет: «Его намерение состоит в том, чтобы сбросить шоры условностей, чтобы люди могли начать пересматривать свои представления о том, что они должны делать» [2015. Р. 164]. Цель Феодора, по мнению К. Лампе, заключалась в том, чтобы с помощью критики в отношении законов, морали и религии расчистить почву для независимой рефлексии. На наш взгляд, все тонкости учения Феодора, если таковые и имелись, могли оценить лишь отдельные представители философского сообщества. Для греческого общества в целом его философские рассуждения, независимо от того, какие он вкладывал в них цели, выглядели совершенно неприемлемыми.

Итак, мы выяснили, что в философии киренаиков в период раннего эллинизма в наиболее полной мере проявились индивидуализм, эгоизм, аполитичность, космополитизм и атеизм. Это позволяет нам сделать вывод о том, что преобладающей тенденцией в философии киренаиков в данный период было то, что можно назвать отчуждением индивида от общества. Особенно сильно эта тенденция проявилась у Гегесия и Феодора. Однако это лишь одна сторона философии киренаиков. При внимательном рассмотрении философских взглядов Анникерида и биографии Феодора можно обнаружить совершенно другую тенденцию. В случае с Анникериом мы имеем дело с философом, который пытался примерить гедонистическую этику киренаиков с общепринятыми в греческом обществе ценностями и моралью. Сложно сказать, насколько удачной оказалась эта попытка. Страбон упоминает, что Анникерид «исправил учение киренской школы и ввел вместо него «анникерийское» учение» [Страбон, 1964. С. 770]. Под учением киренской школы Страбон имеет в виду учение Аристиппа. Следовательно, согласно знаменитому греческому географу, Анникерид внес существенные изменения в доктрину самого основателя школы киренаиков. В самых общих чертах эти изменения выглядели следующим образом. Не покушаясь на основное положение киренаиков о наслаждении как конечной цели жизни, Анникерид, тем не менее, отказался от крайнего индивидуализма и эгоизма. Анникерид допускал «в жизни и дружбу, и благодарность, и почтение к родителям, и служение отечеству» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 121]. По мнению Анникерида и его последователей, «поэтому мудрец, даже терпя поношения, будет тем не менее счастлив и при немногих усладах» [Там же. С. 121]. Пожожие сведения о взглядах Анникерида сообщает и Климент Александрийский: «Ведь радость и усаду доставляют нам не только телесные удовольствия, но также дружба и почести» [2003. С. 328]. Из этих фрагментов следует, что Анни-

керид связывал счастье не только с удовольствием, но и с традиционными полисными ценностями. Согласовать данную позицию философию помогло признание двух источников мотивации. Первый источник – это польза (*χρεία*), который связан с удовольствием. Но наряду с этим традиционным источником мотивации для киренаиков Анникерид ввел еще один источник – доброе чувство (*εύνοια*). Приведем один фрагмент, который иллюстрирует позицию Анникерида: «И к другу нужно относиться по-доброму не только ради пользы от него – не будь пользы, не нужен и друг, – но и ради возникающего при этом доброго чувства, за которое не жалко и боль принять» [Диоген Лаэртский, 1986. С. 121–122]. На наш взгляд, самым интересным моментом является одобрение Анникериидом служения отечеству. В Древней Греции служение родному полису могло принести славу и почести, моральное удовлетворение, но никак не удовольствие. Гораздо чаще участие в военной и политической деятельности оборачивалось серьезными неприятностями, вплоть до изгнания и смерти. То, что Анникериид придает высокий ценностный статус служению отечеству, на наш взгляд, свидетельствует о сохранении связи между полисом и индивидом в его философском учении. Мы не знаем, насколько согласованным в теории и на практике было учение Анникерида. Однако, еще раз повторим, нельзя не признать, что он предпринял весьма смелую попытку объединить, казалось бы, несовместимые на первый взгляд принципы – крайний гедонизм и полисные ценности.

Вызывает вопросы и позиция Феодора, который, несмотря на всю свою критику общественных установлений, признает в качестве блага (*ἀγαθόν*) справедливость (*δικαιοσύνη*), а в качестве зла (*κακόν*) – несправедливость. Справедливость невозможно отделить от общества, это социальная добродетель. Поэтому можно лишь строить предположения, как в философии Феодора уживалось признание справедливости в качестве блага с жесткой критикой законов, морали и религии. Впрочем, для нашего исследования важно отметить, что и в учении Феодора прослеживается связь между индивидом и обществом. В случае с Феодором мы также имеем несколько важных биографических сведений, которые свидетельствуют о том, что он принимал активное участие в политической деятельности. Во-первых, сообщается, что Феодор какое-то время жил в Египте при дворе царя Птолемея и занимался дипломатической деятельностью. Упоминается о том, что Птолемей отправил Феодора послом к Лисимаху (см.: [Там же. С. 123]). Во-вторых, ряд античных авторов сообщают о пребывании Феодора у Лисимаха и диалоге между ними, из которого следует, что Лисимах угрожал Феодору смертью (см.: [Там же. С. 123; Цицерон, 1975. С. 241–242, С. 356]). Достоверных сведений о причинах конфликта между Феодором и Лисимахом у нас нет, но мы полагаем, что он вполне мог иметь политическую подоплеку.

В-третьих, имеется упоминание об изгнании Феодора из Кирены (см.: [Диоген Лаэртский, 1986. С. 123]). Как правило, в Древней Греции изгнанию подвергались по политическим мотивам. Если учесть, что Кирена в период раннего эллинизма находилась в эпицентре политической борьбы, то вполне можно допустить участие в ней Феодора¹. Безусловно, мы полагаем, что не стоит преувеличивать участие Феодора в государственных делах. Но и совсем закрывать глаза на эти эпизоды из его биографии было бы неправильно. Мы не знаем, что двигало Феодором в его участии в политике. Маловероятно, что Феодор руководствовался патриотическими чувствами. В любом случае, можно говорить о том, что он не утратил окончательно связь с полисными ценностями, прежде всего с активным участием в политической деятельности. Таким образом, приверженность Аннекерида полисным ценностям и участие Феодора в политической деятельности позволяют говорить о существовании в философии киренаиков в период раннего эллинизма тенденции, противоположной отчуждению индивида от общества. Мы полагаем, что эту тенденцию можно обозначить как сохранение связи между полисом и индивидом. При этом, как мы выяснили, тенденция к отчуждению индивида от общества преобладала над тенденцией к сохранению связи между полисом и индивидом. Во второй части статьи мы постараемся показать социально-историческую обусловленность данного соотношения между основными тенденциями в философии киренаиков в ранний эллинистический период.

Выше мы уже неоднократно говорили о связи между философией киренаиков и полисными ценностями. Мы уже выяснили, что собой представляли основные тенденции в философии киренаиков. Теперь обратимся к тем ценностям, которые были характерны для греческого полиса. Какие полисные ценности являлись наиболее значимыми? Особое место среди традиционных полисных ценностей занимал полисный коллективизм. Под этой ценностью мы понимаем приоритет интересов полиса над интересами отдельного гражданина. Государственные интересы и общее благо были отнюдь не пустыми понятиями для греков. Преследование гражданином полиса собственных интересов в ущерб интересам государства не только не приветствовалось, но и резко осуждалось. И наоборот, готовность пожертвовать собственными интересами ради общего блага получала очень высокую моральную оценку среди греков. Полисному сознанию было чуждо проявление крайнего индивидуализма и эгоизма. Одобрение вызывало умение подчинить свои интересы интересам полисной общины.

¹ В период раннего эллинизма в полисах Киренаики происходили народные восстания против птолемеевского Египта, острая борьба между соперничающими партиями, выступления наместников с целью отложить от Египта, различные войны с участием наемников.

О значимости полисного колlettivизма хорошо сказано у Демокрита. Стобей приводит следующие слова Демокрита: «Дела государственные надо считать многое более важными, чем все прочие; каждый должен стараться, чтобы государство было благоустроено, не добиваясь больших почестей, чем ему приличествует, и не захватывая большей власти, чем это полезно для общего дела. Ибо государство, идущее по верному пути, – величайшая опора. И в этом заключается все: когда оно в благополучии, все в благополучии, когда оно гибнет, все гибнет» [Лурье, 1970. Фр. 595].

Еще одной важной полисной ценностью был полисный патриотизм. Служение родному городу и готовность пожертвовать жизнью ради его блага являлось краеугольным камнем в полисном сознании. Защищать родной полис было первейшей обязанностью и почетным долгом каждого гражданина. В античной литературе засвидетельствовано множество случаев проявления полисного патриотизма. Приведем слова Цицерона: «Послав своего сына на бой и узнав, что он убит, лаконянка сказала: «Для того я его и родила, чтобы он, не дрогнув, принял смерть за отчество» [1975. С. 241].

К числу полисных ценностей необходимо отнести также гражданские обязанности. Это активное участие в общественно-политической деятельности; соблюдение законов, моральных норм и религиозных традиций, характерных для каждого отдельного полиса; продолжение рода. Все эти гражданские обязанности обладали высоким ценностным статусом. Самой специфической полисной ценностью мы считаем требование активного участия в общественно-политической деятельности. Эта ценность наиболее полно проявилась именно у древних греков, особенно в полисах с демократическим государственным устройством. В частности, об этом говориться у Фукидида в «Истории», где Перикл произносит слова о том, что «ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем» [1981. С. 81]. Хорошо видно, что пассивная социальная позиция в Афинах в V в. до н. э. осуждалась.

Одной из важнейших полисных ценностей в Древней Греции была верность отеческим законам и обычаям. Какое бы высокое положение ни занимал гражданин полиса, он был обязан соблюдать законы и обычай своего государства. Неподчинение им могло обернуться печальными последствиями: такой человек мог потерять репутацию, стать преступником или изгояем. История Древней Греции знает массу примеров, подтверждающих это. Ограничимся двумя примерами. Верностью законам и обычаям родного полиса прославился спартанский царь Агесилай. Как передают Киренелий Непот и Плутарх, в самый разгар успешной войны с варварами в Азии к Агесилаю явился вестник, посланный эфорами,

с приказом вернуться в Грецию на помощь согражданам (см.: [1992. С. 70; Т. 2. 1963. С. 314]). Античные авторы восхищаются реакцией спартанского царя, который без промедления выступил в поход в Грецию, решив, «что славнее подчиниться отеческим законам, чем завоевать Азию» [Корнелий Непот, 1992. С. 70]. Также Плутарх передает, что по возвращении домой Агесилай «сразу же завоевал симпатии граждан и всеобщее удивление» тем, что нисколько не изменил своему поведению и образу жизни, сохранив верность родным обычаям и традициям [Т. 2. 1963. С. 317]. Другой пример иллюстрирует негативное отношение в древнегреческом обществе к тем, кто отказывался от родных обычаев. Вся слава спартанского полководца Павсания, одержавшего знаменитую победу над персами в битве при Платеях в 479 г. до н. э., была омрачена его отказом от отеческих обычаев и участием в заговоре против родного государства. Как пишет Корнелий Непот, у Павсания обнаружились коварные и безумные замыслы, когда «он отринул отеческие обычай и даже самый образ жизни и одежду переменил» [1992. С. 24]. Весьма показательным является то, что фигура Агесилая в античной литературной традиции пользовалась неизменным уважением и почетом, в то время как личность Павсания зачастую оценивалась как неоднозначная.

К числу гражданских обязанностей, как мы уже сказали выше, относилось также продолжение рода. Гражданин полиса был обязан завести детей. Отсутствие детей могло обернуться серьезной критикой и осуждением со стороны сограждан. Весьма показательной в этом плане является история с прославленным фиванским полководцем и государственным деятелем Эпаминондом. На протяжении всей своей жизни этот исторический деятель сталкивался с упреками в свой адрес из-за отсутствия у него детей. Причем упрекали его в этом как друзья, так и политические соперники (см.: [Корнелий Непот, 1992. С. 61, 63]). Другой знаменитый фиванский политический деятель Пелопид упрекал Эпаминонда за то, что он не был женат, «говоря, что он плохо заботиться о родине, если не рождает детей» [Там же. С. 63].

Преобладание тенденции к отчуждению индивида от общества над тенденцией к сохранению связи между полисом и индивидом в философии киренаиков в период раннего эллинизма подтверждает известный тезис о глубоком кризисе полисных ценностей в Греции в данный период. Как мы установили, в философии киренаиков весьма слабо отражались полисные ценности. Это особенно заметно у Гегесия и Феодора. Ценность полиса полностью отрицалась обоими философами. Гражданские обязанности для них также ничего не значили. У Феодора мы видим резкую критику религии, моральных норм и космополитические устремления. Гегесий отрицал всякую социальную активность. Его пред-

ставление о бессмысленности жизни бросало вызов ценности продолжения рода. Однако было бы неправильно полностью игнорировать связь полисных ценностей с философией киренаиков. Как мы смогли убедиться, в философии Аннекирида сохранилось влияние полисных ценностей. В его учении нашлось место и для полисного патриотизма, и для высокого ценностного статуса гражданских обязанностей. Данный вывод позволяет нам сделать предположение о том, что полисные ценности в период раннего эллинизма, несмотря на кризис, продолжали в определенной мере сохранять своей вес и, тем самым, оказывать влияние на греческую философию. В связи с этим нам остается решить последнюю задачу, которая касается подтверждения данного предположения.

Обратимся к истории раннего эллинизма. Чем характеризовалось развитие Греции в данный период? Исследователи, как правило, отмечают такие события как возвышение Македонии, военно-политическое ослабление греческих полисов и образование эллинистических монархий. Господствующим является тезис о том, что в условиях потери греческими городами-государствами политической самостоятельности в греческом обществе произошли кардинальные изменения. Связь между полисом и гражданином нарушилась, общество атомизировалось, полисный коллективизм был вытеснен индивидуализмом. В целом мы согласны с данной точкой зрения. Но, вместе с тем, мы полагаем, что она нуждается в некотором уточнении и корректировке. Если более внимательно присмотреться к греческой истории в ранний эллинистический период, то можно обнаружить, что полисные ценности продолжали играть важную роль. Например, полисный патриотизм продолжал вдохновлять многих греков на борьбу за независимость. В качестве подтверждения приведем несколько эпизодов из истории. Первый пример – Ламийская война 323–322 гг. до н. э. После смерти Александра Македонского Греция была охвачена антимакедонскими волнениями. В результате разгорелась большая война между греками во главе с Афинами и Македонией. Для греков эта война закончилась поражением. Но мы хотим обратить внимание на два момента. Во-первых, в этой войне принимало участие большое количество греческих полисов, что говорит о широком распространении патриотических чувств среди греков в это время. Во-вторых, это та решительность, с которой афиняне были готовы сражаться за свободу. Здесь уместно привести слова из текста манифеста, который был написан афинянами по случаю начала войны: «Народ афинский желает выступить на защиту общей свободы эллинов и освободить обремененные гарнизонами города... затем в государства Греции должны отправиться послы с вестью, что народ афинский, который, подобно тому как прежде сбросил с себя в морской войне иго варваров, полагая, что Греция составляет общее и единое отечество всех эллинов, считает своим долгом и теперь

биться на суше и на море за общее благо Греции, жертвуя на эту борьбу свои деньги и кровь» [Дройзен, 2011. С. 31–32]. Второй пример – это осада Родоса Деметрием Полиоркетом в 305–304 гг. до н. э. Этот свободный и процветающий греческий полис попал в орбиту интересов Антигона Одноглазого, который задумал установить над ним свое господство. С этой целью Антигон отправил на Родос своего сына Деметрия Полиоркета с огромным флотом и армией. И. Г. Дройзен пишет, что жители Родоса готовы были пойти на уступки, но когда осознали, что целью Деметрия является их полное подчинение, то решили, «что лучше защищаться до последней крайности и отстаивать свою свободу до смерти, чем подчиняться столь постыдным условиям» [Там же. С. 289]. В ходе осады Родоса его граждане покрыли себя славой, выстояв против превосходящих сил противника и отстояв свою независимость.

Можно не сомневаться в том, что рост патриотических настроений способствовал усилиению и других полисных ценностей, особенно таких как подчинение интересов отдельного гражданина интересам полиса и активное участие в политической деятельности. Еще раз подчеркнем, что, на наш взгляд, не стоит преувеличивать значимость полисных ценностей в период раннего эллинизма. Это время действительно ознаменовалось военно-политическим ослаблением ведущих греческих полисов и образованием эллинистических монархий, что неизбежно вело к усилению кризиса полисной системы и ослаблению полисных ценностей. Но недооценивать влияние полисных ценностей также не стоит. Хоть и в ослабленном виде, но они продолжали играть важную роль в развитии греческого общества, а вместе с тем и философии.

В ходе проведенного исследования мы установили, что в философии киренаиков в период раннего эллинизма существовали две тенденции. Первая тенденция была преобладающей – это отчуждение индивида от общества. Наиболее заметно она проявилась в философии Гегесия и Феодора. Вторая тенденция, которая хорошо просматривается в философии Анникерида, – это сохранение связи между полисом и индивидом. Как мы показали, важную роль в формировании этих тенденций сыграл кризис полисных ценностей, вызванный военно-политическим ослаблением Греции и образованием эллинистических монархий. В тенденции к отчуждению индивида от общества проявилось ослабление полисных ценностей. В тенденции к сохранению связи между полисом и индивидом проявилось влияние полисных ценностей, которые сохранились в ослабленном виде.

Список литературы / References

- Бровкин В. В.** Феодор Безбожник о богах // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XVII Всеросс. науч. конф. мол. ученых в обл. гуманит. и социал. наук. Новосибирск: НГУ, 2019. С. 25–27.
- Brovkin V. V.** Feodor Bezbozhnik o bogakh [Theodorus the Atheist about the Gods]. Aktual'nye problem gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii: materialy XVII vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh v oblasti gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk. Novosibirsk, IPTS NGU, 2019, p. 25–27. (in Russ.)
- Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях, изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
- Diogenes Laertius.** O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [Lives of Eminent Philosophers]. Moscow, Mysl' Publ., 1986, 571 p. (in Russ.)
- Драйзен И. Г.** История эллинизма. История диадохов. М.: Академический Проект; Киров: Константа, 2011. 518 с.
- Droizen I. G.** Istoriya ellinizma. Istoriya diadokhov [Geschichte des Hellenismus. Geschichte der Diadochen]. Moscow, Akadem. proekt; Kirov, Konstanta, 2011, 518 p. (in Russ.)
- Климент Александрийский.** Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 1 (Книги 1–3). 544 с.
- Kliment Aleksandriiskii.** Stromaty [The Stromata]. Т. 1 (Knigi 1–3). St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2003, 544 p. (in Russ.)
- Корнелий Непот.** О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М.: МГУ, 1992. 208 с.
- Kornelii Nepot.** O znamenitych inozemnych polkovodtsakh [De viris illustribus]. Moscow, MSU Publ., 1992, 208 p. (in Russ.)
- Лактанций.** О творении Божием. О гневе Божием. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 256 с.
- Lactantius.** O tvorenii bozhiem. O gneve bozhiem. O smerti gonitelei. Epitomy bozhestvennykh ustanovlenii [The Works of God. On the Anger of God. On the Deaths of the Persecutors. An Epitome of the Divine institutes]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2007, 256 p. (in Russ.)
- Лурье С. Я.** Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л.: Наука, 1970. 664 с.
- Lur'e S. Ya.** Demokrit. Teksty, perevody, issledovaniya [Democritus. Texts, translations, research]. Leningrad, Nauka, 1970, 664 p. (in Russ.)
- Плутарх.** Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М.: Академия наук СССР, 1963. Т. 2. 548 с.

- Plutarch.** Sravnitelnye zhizneopisaniya [Parallel Lives]. In 3 vols. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1963, vol. 2, 548 p. (in Russ.)
- Страбон.** География. Л.: Наука, 1964. 943 с.
- Strabon.** Geografiya [The Geography]. Leningrad, Nauka, 1964, 943 p.
- Фукидид.** История. Л.: Наука, 1981. 543 с.
- Fukidid.** Istorija [The History of the Peloponnesian War]. Leningrad, Nauka, 1981, 543 p.
- Цицерон.** Философские трактаты. М.: Наука, 1985. 382 с.
- Cicero.** Filosofskie traktaty [Philosophical treatise]. Moscow, Nauka, 1985, 382 p. (in Russ.)
- Lampe K.** The Birth of Hedonism: The Cyrenaic Philosophers and Pleasure as a Way of Life. Princeton, Princeton University Press, 2015, 277 p.

Материал поступил в редакцию (Received) – 16.07.2020

Статья принята к публикации (Accepted) – 11.09.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Бровкин Владимир Викторович

младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия)

Vladimir V. Brovkin

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

drakar@ngs.ru